

С.А. Смирнов

АНТРОПОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ДИСКУРС И ПРАКТИКА или образование как институт человека

Пафос данного высказывания – это призыв о возвращении к человеку. Л.С. Выготский в свое время ссылался на финал чеховского «Вишневого сада», в котором слуга Фирс горько произносит, что все уехали, а человека забыли.

Наше образование давно забыло человека. Оно обсуждает модели университетов, компетентностный подход, кредитную систему, ЕГЭ и прочее. Но напрочь не обсуждает главное: какой лепится человек, в своей жизни проводящий в образовательных учреждениях примерно 10–20 лет?

Образование должно стать институтом человека. Что это – мечта или шанс для радикального изменения?

В основании любого образовательного дискурса и образовательной практики (если они себя так позиционируют) закладывается вполне определенный *антропологический проект*. У Монтессори он свой, у Давыдова – свой. В основании педагогики развивающего обучения, например, лежит проект человека рационального, человека просвещения.

Какого человека возделывает ныне наше образование как институт человека? Или оно не ведает, что творит?

Если ответы на эти вопросы не продумывать, то быстро скатываешься в демагогию, фразеологию и псевдогуманистические лозунги.

Забегая вперед, отмечу, что все педагогические концепции, выработанные и запущенные в XX веке и бывшие локомотивами педагогической мысли и практики, имели в своем основании устаревающие антропологические проекты и модели.

Не успели Э.В. Ильенков и В.В. Давыдов воскликнуть, что школа должна учить мыслить (в начале 60-х годов прошлого века), как на другом берегу в Европе прозвучал другой крик о том, что человек умер (в 1968 году М. Фуко).

При этом – они друг друга не слышали.

Развивающее обучение, формирующее человека рационального, мыслящего, и не знало, что именно этот проект человека рационального и умирает, по признанию М. Фуко.

Это если брать продвинутый разработанный образовательный дискурс. Про остальные образовательные практики говорить вообще сложно, поскольку там либо смутно угадывается антропологический проект, либо он вообще не проглядывается и не обсуждается.

Если говорить о современной так называемой массовой школе, то в ней формируются фактически два типа человека – человек тоталитарный и человек маргинальный.

Либо формируется человек, встраиваемый в социальную мегамашину (вне учебного конвейера иного и не бывает), человек-функция. Либо фактически человек выкатывается на социальную обочину и превращается в маргинала, с утерянными свойствами. Человек без свойств.

В существующей ежедневной образовательной практике ни в средней, ни в высшей школе в принципе даже пока не ставится вопрос об *антропологии образования* или об образовании как об институте человека. То есть даже не обсуждается – какой образ человека строится, когда осуществляется некая образовательная практика.

Следствием этого отсутствия видения является то, что под содержанием образования имеется виду все что угодно (компетенции, навыки, знания, умения, способности, нормы, процедуры и проч.), все, что уже привычно и набило оскомину, только не то,

ради чего существует институт образования – новая антропология, то есть новая антропопрактика становления человеческого в человеке.

В свою очередь сама антропология до сих пор себя не нашла. Она начала выстраивать свой самостоятельный дискурс лишь сто лет назад.

Буквально почти сто лет назад в 1916 году Флоренский употребил слова «философская антропология» относительно нового учения, учения о целостном человеке.

Он пишет следующее: «Задача философской антропологии – раскрыть сознание человека как целое, то есть показать связность его органов, проявлений и определений...» [6, с. 39].

И в другом месте: «Антропология не есть самодовлеемость уединенного сознания, но есть сгущенное, представительное бытие, отражающее собою бытие расширенно-целокупное: микрокосм есть малый образ макрокосма, а не просто что-то само в себе» [6, с. 34].

Спустя десять лет М. Хайдеггер в своей работе «Бытие и время» запускает проект Dasein-аналитики, то есть собственно здесь-бытия человека.

В это же время немного ранее в 1922–24 гг. в России М.М. Бахтин разрабатывает свою философию поступка.

Одновременно с этим Л.С. Выготский разрабатывает свою вершинную психологию «конкретного человека».

В это же время О. Манделштам (с которым был знаком и которого цитировал Л.С. Выготский) и М. Цветаева создают свои поэтические бессмертные формы, находясь в разных уголках земли, преодолевая поэзией свое онтологическое одиночество.

Этот антропологический поворот ознаменовался вулканом идей. Но мало что воплотилось в конкретные социальные и образовательные проекты. Точнее парадоксальным образом антропологический поворот 10–20-х годов был перемолот ГУЛАГом и Освенцимом.

Мечта о конкретном человеке у Выготского удивительным образом сочеталась с тоталитарной переделкой и перековкой человека. И мы получили ГУЛАГ, в котором сгнули и Флоренский и Манделштам.

Мысль о здесь-бытии человека воплотилась в тутошний оскал нацизма. И М. Хайдеггер надел на лацкан пиджака значок нацистской партии.

После мясорубки нацизма и сталинизма мы получили ублюдочные макеты тоталитарного человека и человека-маргинала и люмпена. Мы получили недоделки, объедки и огрызки.

Нам снова нужно новое другое начало, по выражению В.В. Библихина. Он обращается вновь к М. Хайдеггеру и к древним грекам. Обращается вновь к истоку.

Но прошлое нас ничему не учит. Может нам нужно обращение к будущему? Но его никто не знает. И между поколениями идет за желаемый образ будущего. На нужно «настоящее настоящее»? Но оно само по себе не укоренимо. Нам нужна сопрягаемость времен.

Нужен антропологический форсайт. Нужен человек после человека.

А значит, нужен новый дискурс о человеке и новая практика человека. Все привычные дискурсы не годятся. По меткому замечанию известного златоуста, какую партию не делаем – все КПСС получается. Или другое: что ни делай, все равно автомат Калашникова получается.

Что бы мы ни делали в школе, все равно получается тоталитарный человек, человек-функция или маргинал.

И новые дискурсы должны соответствовать новым антропопрактикам. Каким?

Автопоэзис как каркасный концепт антропологической практики

Какие ориентиры, концепты-принципы, могут быть положены для выстраивания нового неклассического антропологического дискурса?

М. Хайдеггер в одной из своих работ цитирует своего любимого Гельдерлина: «человек поэтически жительствоует в этом мире» [4, с. 295]. То есть собственно поэзис делает человека человеком. Ныне, фиксирует печально Хайдеггер, не так. Человек ныне на земле поэтически не жительствоует, не живет поэтически. Он вообще является «помехой в кибернетическом мире», «слово о поэтическом жителствовании человека не исполнилось, а, не исполненное, но остается одним сплошным обманом» [там же, с. 300].

Мало того, что он забыт, что он перестал о себе заботиться, но он просто является помехой.

Это существо, человек, которого Ф. Ницше определял как «омерзение и болезненный стыд», как еще не оформленное животное, фактически и предъявлено ныне миру. И именно с таким разобраным, несобранным, неоформленным существом имеет дело ныне педагог.

Но если ранее неоформленное существо включалось в некие культурные практики и из него выделялся некий проект существа разумного, то ныне ... Ныне один Боге ведаёт, что происходит в так называемой разнообразной образовательной практике.

Философия не предъявила образованию какой-то концепт нового человека. А точнее концепт такой практики, которая выделяет человека соответственно времени.

Если точнее, то мы вынуждены констатировать принципиальную проблему неготовности антропологии как практики и дискурса. Она не выработала, не осознала онтологического заказа: какие проекты человека формируются в ближайшем онтологическом горизонте и соответственно – какой социальный заказ необходимо предъявлять образованию как институту?

В итоге не ясно: что делать неоформленному животному, чтобы в своих деяниях не развалить и не разрушить окончательно этот мир, в котором появился и как сделать так, чтобы самому собраться в некий единый образ.

В качестве гипотезы, претендующей на онтологический статус, выскажем следующее. Если попробовать нащупать некий собственно антропологический дискурс для образования как института человека, одним из таких возможных мыслительных и практических ходов будет выстраивание автопоэзиса как основного смыслодвижущего ядра образовательной практики.

Именно автопоэзис определяет существо становления целостного человека. Именно автопоэзис является тем методом, который делает предметным и практическим требование антропологии к человеку – стать человеком.

Упомянутый В.В. Бибихин в одной из своих работ восстанавливает исконное родовое предназначение поэта, согласно которому практика поэзии – «спасение, человека и через него как мессию (Христос) – природы» [2, с. 1, с. 10]. Он сравнивает и уравнивает поэта со священником в их культурной функции: «В этом смысле, что Христос существо человека, поэт и священник одно» [там же]. Бибихин, опираясь на немецкую традицию (Новалис, Гельдерлин) фактически восстанавливает утраченную память культуры о роли поэта как героя, то есть жертвы и жертвователя: «Поэт и священник были исходно одно, и лишь позднейшие времена их разделили. Истинный поэт всегда священник, так же как истинный священник всегда остается поэтом (Новалис)» [там же].

Снова из Новалиса: «Поэзия есть великое искусство создания трансцендентального здоровья. Поэт есть трансцендентальный врач. Поэзия властно правит болью и соблазном – удовольствием и неудовольствием – заблуждением и истиной – здоровьем и недугом – она перемешивает все ради своей великой цели всех целей – возвышения человека над самим собой» [там же, с. 10–11, прим. 7].

Ключевые слова сказаны: «Поэт прототип человека, но вот что: не как первый Адам, который когда-то был, а прототип сейчас, по которому все образуется» [там же, с. 11]. И это восстановление роли поэта всегда актуально, поскольку «мир снова и снова отпадает от своего начала и существа, верности и любви, и поэзия каждый раз берет его уже как хаос, лес (материю), чтобы создать мир заново» [там же, с. 10–11].

Тем самым В.В. Бибихин возвращается к родовой роли поэта в человеке – восстановление утрачиваемой цельности человека и мира и через поэзис попытка (равная попытке), отдавая себя в жертву, восстановления целостности человека, являя тем самым себя как человека. Человек становится собой через поэзис. В.В. Бибихин восстанавливает мировые корни-смыслы, культурный этимон понимания существа поэзии. Делая отсылки к Новалису, он идет далее к ведической и античной традициям.

В.В. Бибихин говорит о культурной триаде, об особой роли поэта, философа и священника, фактически утверждая, что роль жертвователя перенял у священника поэт. Философия же выстраивает, вырабатывает грамоту для поэта, расшифровывает ее, благодаря которой поэт *узнает себя*. Первое правило поэтической грамотности, говорит В.В. Бибихин, – самописание, самораскрытие себя, своего лица, раскрытие истории, правды своей, правды лица – через зеркало философии.

Спросим себя: присутствуют ли в школе философ, поэт и священник? То есть онтологически, как присутствие, пребывает ли в школе философия, поэзия? Присутствуют они в ней практически? Приходят ли они, причем со своей собственной практикой, своим исконным словом? Или приходят, но редко, если вообще приходят, и не со своим словом, а по заказу, по приглашению, на праздник, на вечер. Но не для того ли, чтобы возделывать человеческое в человеке, а для того, чтобы проповедовать, идеологизировать, тем самым теряя свою онтологическую силу?

В школе должны укорениться настоящая философия и настоящая поэзия. Укорениться практически, в виде адекватных культурных практик. Нам нужна ностальгия по-настоящему. Мы же питаемся обедками и кормим детей суррогатом.

Тогда что это значит практически? Что такое пребывание автопоэзиса как практики в школе?

Самое удивительное – это то, что вообще-то очевидно и понятно. Для начала – перестать заниматься порочной практикой имитации и злостной активностью. Всеми этими ЕГЭ, олимпиадами, погоней за успеваемостью и прочим хламом, за которым лица человеческие совсем не видны.

Надо перестать беспокоиться и начать жить.

Однажды утром встать, чисто побриться, надеть чистую белую рубашку. Посмотреть на небо. Сесть за стол. Достать чистый лист бумаги. Взять ручку и своей рукой на чистом листе бумаги написать крупно: «Я – дурак!».

Надо самого себя поставить под большой жирный вопрос. Самого себя проблематизировать. И перестать заниматься злостной имитацией, псевдодеятельностью. Не умничать и не прикидываться, как будто все замечательно.

В свое время М.М. Бахтин называл такое действие принципом «абсолютного себя-исключения» [1, с. 68]. А это уже Христов путь. Готов ли современный человек повторить его?

Ведь все категорически, онтологически плохо! Потому что в погоне за успеваемостью, перегруженными программами, обилием написанных инструкций и цифр мы напрочь забыли самое главное – самих себя, то есть перестали быть людьми.

Теперь, уже собственно методологическое замечание. Что есть автопоэзис с точки зрения метода?

Попробуем пока на уровне научной метафоры сравнить три метода, которые выработаны в искусстве – мимезис, экстазис и автопоэзис. И применим их в целом к антропологической практике, то есть пойдем их как методы выделки, лепки человека.

Автопоэзис отличается радикально от этих двух принципов и методов (см. подр. в другой нашей работе [3]).

Главное в автопоэзисе состоит в попытке совершить то, что в принципе проблематично и всегда открыто – акт преобразования себя и рождения в себе нового существа, выделяющего на себе новый опыт, новый способ бытия, поскольку предыдущий невозможен, смертелен и проблематичен.

Искусство как практика становится тогда не просто подражанием (мимезис), не просто предельным опытом или формой самовыражения (экстазис), оно становится опытом преодоления смертной и преступной природы человека и может дать ему шанс становиться бессмертным. Культурно бессмертным. В автопоэзисе человек ведет тяжбу со своей смертностью, претендуя на некую форму культурного бессмертия.

Попробуем сформулировать некоторые принципы и идеи, на которых базируется культурная практика автопоэзиса.

Сначала необходимо положить три предуготовительных условия осуществления автопоэзиса, условия реализации практики автопоэзиса.

1. Первое условие – осуществление *принципа себя-исключения*. Он полагает радикальную проблематизацию себя как сущего, как реальности, которая радикально не та и которая необходимым образом должна быть преобразована. На это надо быть готовым. Именно к этому принципу прежде всего мы все, смертные существа не готовы. Мы рождаемся и принимаем наше эмпирическое пребывание необходимое и должное и как то, которое не нуждается в замене и пересмотре. Этот принцип в своей реализации как раз предполагает осуществление религиозного опыта, проблематизирующего тебя на фоне онтологического символического горизонта (Идеи Бога, Идеи Блага).

Сам по себе этот принцип себя-исключения не предполагает еще самого автопоэзиса, но он является базовым онтологическим условием осуществления автопоэзиса.

2. Второй принцип или необходимый такт работы предуготовления – работа по осмыслению радикального опыта вопрошания и проблематизации. Это собственно философская работа, *работа онтологического вопрошания*. Этим и занимается философ, фигуру которого, его образ, необходимо выращивать в себе.

Следствием этого (не автоматическим, а необходимым условием, следующим тактом духовной работы) является рождение в человеке образа философа.

Философ рождается (формуется) как тот образ, который вырабатывает адекватные средства осмысления практики поэзиса. Философия здесь становится той самой прикладной практической работой по осмыслению опыта пребывания на границе, опыта пестования, опыта Пути.

В этом плане философия становится с одной стороны рефлексией по поводу религиозного опыта и, с другой стороны, грамматикой по поводу опыта автопоэзиса, поэтической практики.

3. При наличии такой предуготовительной работы (радикального себя-исключения и рефлексивной философской работы по его поводу) становится реальным тем самым главный феномен в автопоэзисе – *феномен рождения образа поэта в человеке*, главной фигуры преобразования.

Речь идет именно о феномене, а не о профессии поэта. Боже упаси всех заставлять писать стихи и посылать их в редакции журналов. Спаси нас Бог от графоманства!

Речь идет о более радикальном вызове, о весьма нахальном желании человека осуществить реальное преобразование собственной первой природы, хотя это и сопряжено с драматической и трагической коллизией в личной эмпирической жизни. Уже просто потому, что белые вороны не летают. Их отстреливают. Не говоря уже о предельном опыте реальной гибели поэтов, философов, священников.

4. В связи с осуществлением первых трех предуготовительных принципов логичным и понятным становится *преодоление феномена литературы, литературности*.

Автопоэзис предполагает отказ от порочных привычек писать сочинилки, вообще писать и переводить все внимание с человека, с того, что с ним происходит, на тексты, которые он плодит, то есть на вторичное сырье. Автопоэзис лишь внешним образом похож на некое сочинительство. Автопоэзис предполагает «снятие», преодоление границы между так называемой реальностью и литературой, в которой эта реальность отражается, описывается и т.д. Под реальностью может быть как внешняя реальность, так и внутренняя психологическая реальность автора героев. Литература как особая реальность, сочиненная и представленная в знаковой форме означающего, перестает быть главным достижением, главным событием автопоэзиса. По поводу литературы можно выстраивать привычные науки, литературоведение, искусствоведение и прочие *вед ния*, выступающие фактически как видения, интерпретации, у кого более правдоподобные, а у кого не очень. Понимание тайны автопоэзиса в отличие от них – не наука, ведающая нечто про искусство. Автопоэзис не литература, а потому и не стихи-сочинилки. Последние – лишь следы более объемного, сложного феномена личности, которая не ухватывается никаким литературоведением и никаким анализом поэтического текста.

5. *Преодоление феномена «в деня», то есть объективного исследования*.

Стихи – не просто некий предмет для анализа. Важно не просто выстраивать некие законы и принципы устройства стиха и прозы, некую поэтику. Важен процесс преобразования героя-автора. Что с ним происходит по мере написания им стихов? Известные школы литературоведения (Лотман, Эйхенбаум, Тынянов, Шкловский) занимались анализом текстов, выстраиванием различных поэтик по этому поводу, в том числе и саму социальную жизнь рассматривая как текст. Их аналитика остается либо на уровне анализа материала, либо на уровне анализа формы текста, либо на уровне анализа содержания. Но не выходит в план произведения, то есть формы личности. Представители этих школ могут быть умными собеседниками, но не могут предложить нового метода по антропологии стиха. Они не выстраивали автопоэзис как метод постижения и совершения антропологического события, преодолевающего границы собственно и материала, и формы, и содержания.

В одном из писем Варламу Шаламову Н.Я. Мандельштам писала, что единственный более менее адекватный разговор о поэзии – это всего-навсего эссе, очерк, не научный анализ, а внятный ясный разговор на естественном языке, не уничтожающий скальпелем анализа ткань художественного высказывания.

6. *Преодоление границ текста и языка и переход в план произведения*.

Собственно произведением по модели автопоэзиса может быть только феномен личности, то есть то культурное образование, которое формируется и формуется ав-

тором на себе в процессе создания художественных текстов. Нельзя текст назвать произведением. Также нельзя и физическое лицо назвать автором и личностью. Они находятся в разных слоях реальности.

Цель этой работы автопозиса – преобразование своей исходной природы и рождение в себе нового героя, формирование на себе новой архитектоники личности, позволяющей выходить в иной горизонт бытия и пребывать в нем.

7. Событийность и переходность.

Когда скоро преобразование автора, его собственная переплавка становится ведущим процессом, то событие перехода и транзита становится его постоянным состоянием.

Что является двигателем, мотором перехода? С.С. Хоружий говорит в своих работах об «онтодвигателе» как ключевой характеристике духовных практик. Последние осуществляются ради онтологически значимых целей. Без такого рода целей практика превращается в некий тренинг, психотехнику. Автопозис в этом смысле сродни духовной практике, которая понимается как «сознательное, активное действие, ставящее онтологически значимую цель» [5, с. 382].

Чтобы обрести собственное бытие, чтобы соответствовать своему предназначению, соответствовать идее человека, онтологической идее, автопозис и осуществляется. Написание стихов и прозы выступают здесь как определенная работа, внешне похожая на мимезис и экстазис. Но внутренне, содержательно это действие принципиально иного порядка. Потому не все поэты могут быть приглашены в собеседники по поводу практики автопозиса.

А потому не каждый поэт соответствует этому предназначению. Далеко не каждый ставит перед собой онтологически значимые цели, далеко не каждый ставит себя на онтологический предел, не каждый преодолевает литературность. Не каждый поэт понимает свою поэзию как судьбу. В лучшем случае поэт стремится написать лучше своего собрата. И тогда искусство можно понимать как переключку авторов со скрытым цитированием. Но себя, любимого, он все равно любит и лелеет и ничего делать с собой, любимым, не собирается. Не каждый полагает для себя, что поэзия – это судьба.

8. Магистральным, сквозным метапринципом автопозиса в контексте выше сказанного становится *принцип преобразования* или метаморфоза. В силу действия онтодвигателя поэт не пишет сочинилки. Он пишет, сооружая трансформы своего нового культурного тела, тела личности. Колымские рассказы и тетради Шаламов – не рассказы сами по себе, не просто изобретение литературное. Они суть его культурные протезы, культурные костыли. Становящиеся новыми «функциональными органами» и позволяющие осуществлять культурные практики.

И один Бог знает, где здесь граница, предел – чтобы не впасть в ересь графоманства и псевдосочинительства, в литературную богему. Поэт богемы – такой же антропоидный урод, что и человек-недоделка, «недотыкомка». Последний – как обгрызанное яблоко, земной огрызок, обрубок, другой – богемный, сверхпеределанный, сверхуделанный, захлебывающийся своими поэтами-позами трансформер, органами-частями тела которого являются только не железяки и микропроцессоры, а нагромождение текстов, тропов, метаформ, становящихся живым гробиком для когда-то живого существа, однажды пытавшегося что-то такое сотворить и прославиться.

Автопозис – не трансформация для сооружения трансформера, а преобразование для очищения, чистого, почти воздушного образа-лица, чтобы быть как бы вровень с миром, стать его травинкой, былинкой мира. Поэтическое преобразование суть не нагромождение форм, а наоборот такое ваение формы, которое делает тебя еще

более прозрачным, чистым, не перегруженным материалом, дает чистоту и легкость дыхания.

Поэтому поэзис собственно требует освобождения от материала, которым ты захлебываешься, память которого гнетет. Шаламовский пример – пример такого очищения, антикатарсического, очищения-преображения эпистолического.

Попробуем сконфигурировать сказанное и показать разницу между названными тремя моделями в сводной таблице.

№	Модель	Основная практика	Цель, ради которой осуществляется практика	Критерий достижения цели	Основной антропологический процесс, сопровождающий творение
1	Мимезис	Воспроизводство мира	Постижение правды мира	Достоверность, соответствие миру	Катарсис
2	Экстазис	Самовыражение Я через порождение текстов	Предъявление миру своего Я, поиск своего уникального места	Порождение уникальных авторских текстов, смыслов и значений	Исступление, выход из себя и приобщение к более широкому горизонту
3	Автопоэзис	Творение личности	Онтологическое восхождение	Правда преобразования индивида и формирования личности	Преобразование, преодоление первой природы

Продолжая использовать научные метафоры, допустим, что на языке антропологического дискурса могут быть и предъявлены три образовательных модели – модель экстазиса, модель мимезиса и модель автопоэзиса.

Все три модели предполагают активное использование культурных практик – искусства, философии и религии. Все они фактически в современной массовой школе отсутствуют.

Первая модель (модель мимезиса) предполагает построение человека как копировщика мира, подражателя мира. Он пытается ему соответствовать и через постижение правды мира пережить катарсис.

Родовая практика в такой модели – подражание миру («сотри случайные черты и ты увидишь – мир прекрасен»). Превращенная форма – копирование, цитирование без сохранения человеческого голоса, чувства, мысли.

Вторая модель (модель экстазиса) – модель творца, который порождает новые тексты, знаки, искусственные миры. Он постоянно выходит из себя.

Родовая культурная форма такой практики – порождение уникальных культурных форм. Превращенная форма – порождение искусственной богемы, самодовлеющей чистой поэзии.

Третья модель (модель автопоэзиса), основана на культурных практиках преобразования. Превращенная форма – порождение искусственных миров вплоть до киборгов и мутантов, все большее удаление от лона, которое породило самого автора. Преобразование, теряя целостность образа и онтологическую цель, превращается в самоцель и мы получаем чудище-трансформера.

Эти модели не предполагают прямого тождества с эмпирической практикой в образовании. Три модели в культуре – не три модели университета или три модели

школы. Это три типа культурных практик, которые необходимо осуществлять в образовании как институте человека, с тем, чтобы решать главную задачу – формирование образа человека в человеке.

Это сказано «начерно, шепотом»...

Набросок, эскиз...

*«Я скажу это начерно, шепотом –
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра...*

*И под временным небом чистилища
Забывает мы часто о том,
Что счастливое небохранилище –
Раздвижной и прижизненный дом»*

О. Мандельштам. 09.03.1937.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Философская эстетика. Т. 1. – М.: Русские словари, 2003. – 968 с.
2. *Бибихин В.В.* Грамматика поэзии. Новое русское слово. – М.; СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 592 с.
3. *Смирнов С.А.* Автопоэзис человека. Философские очерки по антропологии стиха. – Новосибирск: НГУЭУ; Офсет, 2011. – 389 с.
4. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – 464 с.
5. *Хоружий С.С.* О старом и новом. – СПб.: Алетейя, 2000. – 477 с.
6. *Флоренский П.А.* Сочинения. Т. 2. У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990. – 448 с.